

ПЛАТОН, ЭВИДЕНЦИАЛИЗМ И JTB

П. А. БУТАКОВ

Институт философии и права СО РАН
pavelbutakov@academ.org

PAVEL BUTAKOV

Institute of Philosophy and Law SB RAS

PLATO, EVIDENTIALISM, AND JTB

ABSTRACT. It is often claimed that Plato’s definition of knowledge as “true opinion with an account” is in agreement with the contemporary analysis of knowledge as “justified true belief” (JTB). Some scholars disagree with the attribution of JTB to Plato. I analyze three influential arguments against the assumption of Plato’s agreement with JTB, and refute them. Then I provide my own argument against the assumption. I argue that the contemporary interpretation of the JTB formula understands “belief” not in the sense of an “opinion,” but rather of a “degree of confidence.” Accordingly, “justification” is understood not as applying to the opinion itself, but rather to the person having a certain degree of confidence. I support this claim by showing the difference between the traditional and the contemporary understanding of “evidence,” the former referring to a property of the proposition, while the latter meaning the body of reasons, which supports the person’s confidence to a certain degree. Thus, I conclude that Plato understands knowledge as “correct opinion validated by a rational explanation,” and it has very little in common with the contemporary understanding of knowledge as “sufficiently supported subjective degree of confidence in the truth of a proposition.”

KEYWORDS: Plato, knowledge, belief, Gettier, justified true belief, evidence, evidentialism.

В 1963 году Эдмунд Геттиер, преподаватель университета Уэйна в Детройте, был поставлен перед необходимостью опубликовать ради отчетности какую-нибудь научную статью. В итоге он на скорую руку написал трехстраничный текст, где привел два контрпримера против того определения знания, которое он обнаружил в работах Р. Чизолма и А. Дж. Айера. Также он кратко сослался на то, что похожее определение есть и у Платона (Gettier 1963). Спустя несколько лет после выхода этой статьи произошло нечто по-

СХОЛН Vol. 12. 2 (2018)
www.nsu.ru/classics/schole

© П. А. Бутаков, 2018

DOI: 10.21267/schole.12.2.23

разительное: в философских публикациях вдруг стали появляться утверждения о том, что статья Геттиера опровергает традиционную концепцию знания, восходящую еще к Платону. Так возник миф о том, что все философы, начиная с Платона, придерживались концепции JTB, согласно которой знание – это оправданная истинная вера (Justified True Belief), пока ее, наконец, не опроверг Геттиер. В последнее время вышло немало исследований, доказывающих, что концепция JTB вовсе не является традиционной и что она, фактически, впервые формулируется в статье Геттиера (Antognazza 2015, Dutant 2015, Le Morvan 2017). Несмотря на это, миф о Геттиеровской революции в эпистемологии продолжает кочевать по всем статьям, учебникам и энциклопедиям, а современные эпистемологи продолжают защищать «традиционную» концепцию JTB.

Вследствие того, что Геттиер сослался на сходство JTB с некоторыми рассуждениями Платона, исследователи платонизма уже несколько десятилетий спорят о том, являлся ли сам Платон сторонником этой концепции. Платон в *Меноне* и других диалогах защищает внешне сходную концепцию знания как «истинного мнения с объяснением», что дает основание считать его основоположником JTB-подхода. Многие исследователи возражают против этого (Kaplan 1985, 352; Фролов 2013, 169; Antognazza 2015, 165–172; Parikh 2017, 94). В данной статье я рассмотрю три основных аргумента против приравнивания эпистемологии Платона к концепции JTB, сформулированных в исследовательской литературе, и приведу опровержение этих аргументов. Но затем я предложу свой аргумент о несовместимости эпистемологии Платона с концепцией JTB, основанный на том, что Платоновское понятие «мнения с объяснением» не имеет ничего общего с пониманием «оправданной веры» в JTB. Статья состоит из трех частей: первая часть содержит анализ эпистемологии Платона в контексте вопроса о соотношении мнения и знания; во второй части показано несоответствие понятия belief в определении JTB Платоновскому понятию «мнение»; третья часть раскрывает отличие процедуры «оправдания веры» в JTB от «объяснения мнения» у Платона.

1. Эпистемология Платона

В своих диалогах Платон неоднократно предлагает внешне сходное с JTB определение: «знание – это истинное мнение с объяснением». При этом Платон также настаивает на том, что между знанием и мнением есть существенные различия и по происхождению, и по степени надежности, и по содержанию. В связи с этим, целью нашего анализа эпистемологии Платона будет поиск ответов на вопросы о том, как соотносятся между собой его по-

нятия «знание» и «мнение», возможно ли знание и мнение об одном и том же объекте и может ли знание быть разновидностью мнения.

Обсуждение эпистемологии Платона следует начать с краткого описания его онтологии. Платон делит все объекты на два рода (*Tim.* 27d–28a): те, которые существуют вечно и никогда не возникают (τί τὸ ὄν αἰεί, γένεσιν δὲ οὐκ ἔχον), и те, которые всегда возникают и никогда не существуют (τί τὸ γιγνόμενον μὲν αἰεί, ὄν δὲ οὐδέποτε). Бытие объектов первого рода всегда неизменно, они вечно тождественны сами себе, а бытие вторых в разное время разное, они постоянно возникают, изменяются и гибнут (*Tim.* 28a; *Phaed.* 78d). Далее для краткости я буду называть объекты первого рода *идеальными*, а второго *физическими*.

Платон также утверждает, что идеальное «схватывается» мышлением с рассуждением (νοήσει μετὰ λόγου περιληπτόν), а физическое «мнится» посредством мнения с безрассудочным ощущением (δόξη μετ' αἰσθήσεως ἀλόγου δοξαστόν) (*Tim.* 28a). Таким способом Платон указывает на наличие двух разных эпистемических процедур, одна из которых направлена на идеальное, а другая на физическое. При описании первой эпистемической процедуры – мышления об идеальном – Платон чаще всего использует такие слова, как γνώσις (познание), ἐπιστήμη (знание), εἰδέναι (знать), νόησις (мышление), διάνοια, φρόνησις, λόγος (рассуждение), σοφία (мудрость) (Fine 2004, 41 n.1). Ко второй эпистемической процедуре – мнению о физическом – относятся слова δόξα (мнение), πίστις (вера), εἰκασία (предположение), πειθώ (убеждение); а также сюда следует отнести αἴσθησις (ощущение) и все виды чувственного восприятия.

Одним из самых известных примеров рассуждения Платона об этих двух процедурах является используемая им в 6 и 7 книгах *Государства* аналогия разделенной линии (*Rep.* 6.509d–511e), которая тесно связана с приведенной там же аналогией узников пещеры. Платон предлагает представить линию, разделенную на две неравные части, и на меньшей части он располагает мнение о физическом, а на большей – мышление об идеальном. Далее он снова делит надвое каждую из частей в той же пропорции, и затем располагает на получившихся четырех отрезках четыре эпистемические способности или «состояния, возникающие в душе» (*Rep.* 6.511d) в порядке, соответствующем степени их пригодности для познания истины. Первой и самой далекой от истинного познания является способность строить догадки на основании внешнего сходства – εἰκασία (предположение), подобная тому, как узники Платоновской пещеры смотрят на тени от статуй на стене. Вторая – это πίστις (вера), восприятие физических объектов с помощью органов чувств; в пещере этому соответствует разглядывание тех статуй, которые отбрасывают тени.

Обе эти способности лежат в области мнения о физическом мире, в области обманчивой пещеры. Третья способность – *διάνοια* (рассуждение), построение абстрактных умозаключений на основании ранее обретенных предпосылок; она соотносится с рассматриванием подлинного мира за пределами пещеры. Наконец, четвертая, наивысшая способность – это *ἐπιστήμη* (знание)¹, непосредственное схватывание истины, которое сравнивается с созерцанием солнца, делающего возможными все предыдущие виды зрения. Эти две последние способности – *διάνοια* (рассуждение) и *ἐπιστήμη* (знание) – вместе образуют мышление об идеальных объектах (*νόησιν δὲ περὶ οὐσίαν*), познание подлинного мира, т. е. первую из вышеупомянутых эпистемических процедур, тогда как две первые – *εἰκασία* (предположение) и *πίστις* (вера) – совокупно образуют мнение о физических объектах (*δόξαν μὲν περὶ γένεσιν*), т. е., вторую процедуру (*Rep.* 7.533e–534a).

Смысл аналогий разделенной линии и пещеры состоит в том, чтобы научиться отличать подлинное от неподлинного, копии от оригиналов (*Rep.* 6.510a), реальный мир от обманчивой пещеры. Всякая аналогия имеет свою область применения, и данные Платоновские аналогии относятся к его онтологической теории. Вряд ли стоит переносить эти аналогии в область эпистемологии и лишь на их основании делать какие-либо однозначные выводы. Платон только намекает на то, как связаны его онтология и эпистемология, с помощью ряда соотношений: как идеальное соотносится с физическим, так же соотносятся мышление и мнение, знание и вера, рассуждение и предположение. Но затем он задается более конкретным вопросом о том, соответствует ли разделение областей мышления и мнения разделению на области идеального и физического (*Rep.* 7.534a). Другими словами, подразделяются ли сами объекты на те, которые подлежат лишь мнению, и те, которые подлежат лишь мышлению? Платон утверждает, что это – совсем другой вопрос, что ответ на него потребует гораздо более долгих рассуждений, после чего демонстративно уходит от ответа.

Несмотря на то, что вопрос о соответствии эпистемологических способностей онтологическим объектам Платон оставляет открытым, мы вполне можем сделать некоторые предварительные выводы из его рассуждений. Во-первых, из всех эпистемических способностей наиболее близкой к обладанию истиной является знание. Во-вторых, процедура формирования мне-

---

¹ См. *Rep.* 7.533e. Когда Платон первый раз перечисляет эти четыре способности в 6 книге, то он называет самую высшую способность не «знанием», а *νόησις* (мышление) (*Rep.* 6.511d). В 7 книге он переключается на термин *ἐπιστήμη* (знание) и при этом поясняет, что слово «знание» заимствуется из другого контекста, и предлагает не сосредотачиваться на точном подборе терминов (*Rep.* 7.533d).

ния о физических объектах, основанная на вере и предположении, является весьма ненадежным способом познания истины. Тем не менее, Платон неоднократно определяет знание через «истинное мнение». Но разве может мнение быть истинным, если оно столь ненадежно? Оказывается, что может. Платон нередко говорит о том, что мнение бывает правильным (ὀρθὴ δόξα) или истинным (ἀληθὴς δόξα). Правильное мнение – это то мнение, которое совпадает с тем, что есть на самом деле, поэтому его не следует полностью приравнивать к незнанию; оно занимает некое промежуточное положение между рассуждением (φρόνησις) и невежеством (ἀμαθία) (*Sym.* 202a). Когда человек обретает истинное мнение, то его душа обладает истиной (ἀληθεύειν) (*Theaet.* 202b,c). Это мнение может руководить человеком ничуть не хуже, чем знание (*Men.* 99a). Если, например, человеку нужно добраться в Ларису (*Men.* 97a–c), а он всего лишь правильно предполагает (ὀρθῶς δοξάζων) как туда пойти, то он точно так же достигнет цели, как и тот, кто знает (εἰδώς) дорогу.

Как же, согласно Платону, истинное мнение может стать знанием? Само по себе истинное мнение не содержит никакого рассуждения (ἄλογον) (*Tim.* 51e), поэтому те люди, которые обладают лишь истинным мнением, не могут дать отчета в том, почему они так считают (*Men.* 99; *Theaet.* 202b,c; *Rep.* 7.534b,c). Знание же возникает тогда, когда истинное мнение сопровождается соответствующим объяснением или рассуждением (λόγος) (*Sym.* 202a; *Phaed.* 76b). В *Меноне* Платон приводит пример Дедаловых статуй, которые необходимо связывать, чтобы они не убежали (*Men.* 97d) – подобно этим статуям истинное мнение ради сохранности должно быть связано «рассуждением об объяснении» (αἰτίας λογισμός).² Благодаря такому связыванию истинное мнение становится знанием (*Men.* 98a).

Итак, перед нами стоит вопрос о том, насколько правомерно приписывать Платону JTB-концепцию знания как оправданной истинной веры. Платон регулярно использует внешне сходное с JTB определение знания как «истинного мнения с объяснением» (ἀληθὴς δόξα μετὰ λόγου), что нередко рассматривается как достаточное основание для того, чтобы причислять его к сторонникам концепции JTB. При этом многие исследователи утверждают, что эпистемология Платона не может быть приравнена к JTB. Я согласен с этими исследователями в том, что позиция Платона не совпадает с концепцией JTB, однако я считаю их аргументы неубедительными. Далее я рассмотрю три известных аргумента против сходства концепций Платона и JTB и приведу возможные возражения против них.

² Гэйл Файн описывает трудности перевода выражения “αἰτίας λογισμός” и предлагает переводить его как “reasoning about the explanation” (Fine 2004, 56–61).

Первый популярный аргумент основан на том, что в диалоге *Теэтет* Платон опровергает саму концепцию знания как «истинного мнения с объяснением» и, следовательно, не может быть зачислен в последователи JTB. Действительно, в *Теэтете* (201d–210a) Платон выдвигает ряд доводов против своего же определения знания из *Менона* и других диалогов.³ Эти доводы включают в себя проблему составления рационального объяснения из неопределяемых элементов, т. е., проблему генетических определений; проблему применимости как эмпирических, так и умозрительных отличительных признаков в родо-видовых определениях; а также проблему понимания того, что вообще следует принимать в качестве объяснения.

Рассуждения *Теэтета* вовсе не следует рассматривать как окончательный диагноз о неприемлемости концепции знания как истинного мнения с объяснением. Многие диалоги Платона построены так, чтобы заострить философскую проблему и предоставить читателю самостоятельно продолжить ее решение. Диалог *Теэтет* заканчивается в традиционной для Платона манере: выявив значительное количество затруднений при обсуждении, казалось бы, простого вопроса, герои расходятся по своим делам, договорившись вернуться к этому разговору позже. Обычно Платон таким образом показывает, что вопрос все еще остается открытым, и что здесь остается возможность для продолжения рассуждения. В исследовательской литературе предложено немало способов решить проблемы *Теэтета* без отказа от концепции «истинного мнения с объяснением», в частности, через привлечение теории идей или концепции знания как припоминания (см., напр., Arist. *An. Post.* I.3; Fine 1979; Chappell 2013, 8, 9; Dutant 2015, 129, n.55). Поэтому контраргументы *Теэтета* – это еще не повод вычеркивать Платона из числа сторонников JTB.

Второй аргумент против приравнивания учения Платона к концепции JTB связан с тем, что современная JTB-эпистемология имеет дело с пропозициональным знанием, тогда как Платон рассуждает об объектном знании⁴ (Kaplan 1985, 352). Вряд ли этот аргумент следует считать весомым. Во-первых, рассуждения Платона применимы как к объектному, так и к пропозициональному знанию; более того, Платон нередко переключается с разго-

---

³ Сам Геттиер, приписывая концепцию JTB Платону, высказывается весьма осторожно: «*Кажется, что Платон рассматривает некое похожее определение в Теэтете 201, и, возможно, принимает его в Меноне 98 [курсив мой – П.Б.]*» (Gettier 1963, 121, n.1).

⁴ Пропозициональным знанием является знание вида «S знает, что P», где P – это некая пропозиция. Объектное знание – это знание вида «S знает N» или «S знает, что такое N», где N – это некий объект.

воров о знании объектов на обсуждение знания истинности пропозиций. На этом основании можно предположить, что Платон разрабатывает единую эпистемологическую теорию, охватывающую как объектное, так и пропозициональное знание (Charrell 2013, 4). Во-вторых, согласно Платону, знание объекта N – это знание того, что такое N , а это, в свою очередь, может быть трансформировано в знание некоего набора пропозиций об N (Fine 1979, 366). Поэтому объектное знание Платона вполне совместимо с пропозициональным знанием современной JTB-эпистемологии.

Третий аргумент против приписывания Платону концепции JTB основан на трактовке его учения как «теории двух миров» (Fine 1978, 121). Эта теория включает в себя два положения: онтологическое и эпистемологическое. Онтологическое положение теории двух миров состоит в том, что существует мир идей и мир чувственно воспринимаемых вещей, и ничто не может принадлежать сразу обоим мирам. Эпистемологическое положение этой теории гласит, что знание распространяется лишь на мир идей, а мнение лишь на чувственно воспринимаемый мир. Из этих двух положений следует, что знание и мнение об одном и том же объекте невозможно. Если бы Платон признавал оба положения этой теории, то он не мог бы считать, что знание об объекте – это некий вид мнения об этом же объекте, следовательно, он не мог бы всерьез утверждать, что знание – это «истинное мнение с объяснением». В таком случае у Платона должна была быть какая-то иная концепция знания, совершенно не похожая на JTB.

То, что Платон признает первое, онтологическое положение теории двух миров, не вызывает сомнения. На этом положении базируется вся его онтология, и именно это различие между идеальными и физическими объектами он иллюстрирует с помощью аналогий разделенной линии и пещеры. Но принимает ли он второе, эпистемологическое положение этой теории? Я убежден, что нет. Как было замечено ранее, в конце рассуждений о разделенной линии Платон отмечает, что вопрос о том, соответствует ли разделение областей мышления и мнения разделению на области идеального и физического, требует отдельного тщательного рассмотрения (*Rep.* 7.534a). Многие исследователи, не замечая этого, полагают, что между онтологией и эпистемологией Платона должна быть строгая корреляция, что из первого положения теории двух миров должно автоматически вытекать второе, и поэтому у знания и мнения не может быть общих объектов (Antognazza 2015, 167; Фролов 2013, 168–169). Однако такое грубое перенесение онтологии Платона на его эпистемологию является слишком поспешным. На самом деле, Платон вовсе не ограничивает область знания лишь идеальными объектами, а область мнения лишь физическими. В качестве подтверждения здесь можно привести

несколько примеров. В рассуждении о «дороге в Ларису» (*Men.* 97a) Платон сравнивает того, кто обладает истинным мнением, с тем, кто *знает* (εἰδώς) дорогу; а ведь это – знание о физическом мире (Вольф 2013, 56). Также, в аналогии пещеры, если философы побывают в реальном мире и потом вернутся назад в пещеру, то они будут знать (γνώσασθε) находящиеся в ней предметы (*Rep.* 7.520c). Наконец, кроме возможности знания о физических объектах, Платон допускает и возможность мнения об идеальных. Например, у людей бывает мнение об идее блага (*Rep.* 6.506a–c), которое, хоть и никуда не годится без знания, все-таки возможно (Fine 1978, 121).

Итак, мы рассмотрели три популярных аргумента против того, чтобы причислять Платона к сторонникам концепции JTB – о непреодолимости аргументов из *Теэтета*, о неприменимости рассуждений Платона к пропозициональному знанию, а также о невозможности иметь знание и мнение об одном и том же объекте. Все эти аргументы являются неубедительными. Тем не менее, Платона все равно не следует считать сторонником современной концепции JTB на том основании, что его «мнение с объяснением» не имеет ничего общего с тем, что обычно понимается под Justified Belief – верой, сила которой подкрепляется набором доводов и фактов. Обоснованию этого утверждения посвящены следующие два раздела данной статьи.

Но прежде, чем завершить рассмотрение эпистемологии Платона и перейти к анализу концепции JTB, необходимо сделать небольшое отступление. Поскольку в концепции JTB базовым понятием является «вера» (belief), то нам следует напоследок разобраться с тем, в каком смысле Платон использует свой термин πίστις (вера) и мог ли он считать знание разновидностью веры. В современном языке (как в русском, так и английском) слово «вера» имеет множество тех значений, которые не следует приписывать античному словоупотреблению. В классическом греческом слово πίστις не воспринималось как слово, имеющее какое-либо особое отношение к религии, и даже когда оно встречается в религиозном контексте, оно используется в своем исключительно обыденном светском значении (Lindsay 1993, 2, 7). Смысловым полем слова πίστις является все, что связано с отношением доверия, причем спектр его значений включает и отношение к объекту веры: доверие или уверенность, и те качества, которые порождают такое отношение: надежность, верность, правдивость (Morgan 2015, 15; Schliesser 2017, 4). Вдобавок, что особенно важно, πίστις описывает отношение к конкретному человеку, богу, животному, предмету и т. п., но никак не отношение к какому-либо абстрактному утверждению. Другими словами, πίστις – это не пропозициональная установка, т. е., было бы некорректно использовать слово πίστις в словосочетаниях типа «вера, что P», где P – это некая пропо-

зиция. Классическое значение πίστις хорошо отражается в таких фразах как «я верю своему другу», «я верю в надежность моего доспеха», или «я верю, что мой бог меня защитит». Однако оно не соответствует фразам типа «я верю, что друзья не обманывают», «я верю, что железные доспехи надежны», или «я верю, что иногда боги защищают людей». Для выражения таких пропозициональных установок в греческом использовались бы другие слова, например δοκέω (полагаю) или νομίζω (признаю) (Morgan 2015, 30).

Что же подразумевает под словом πίστις Платон, когда причисляет «веру» к эпистемическим способностям? Подытожим все вышесказанное. Исходя из норм классического греческого языка, вера не может выступать в роли пропозициональной установки. Вдобавок, вера должна обозначать некое доверие чему-то, что человек считает надежным. Далее, согласно Платону, вера – это то, что вместе с предположением (εἰκασία) отвечает за формирование мнения о физических объектах. При этом вера так же соотносится со знанием, как физическое с идеальным. Учитывая все эти условия можно предположить, что под верой Платон понимает естественное доверие собственным органам чувств, признание надежности физических ощущений, благодаря которому у человека формируется мнение о мире (Morgan 2015, 152).

Может ли, согласно Платону, знание быть некой разновидностью веры? Очевидно, что нет. Объектами знания являются пропозиции, идеи, вещи и положения дел, а объектом веры являются собственные ощущения. Поэтому у знания и веры не может быть общих объектов. Следовательно, Платоновское понятие πίστις никак не может быть аналогом понятия belief в концепции ГТВ.

2. Двусмысленность термина belief

Прежде чем прояснить различие между «мнением с объяснением» Платона и «оправданной верой» концепции ГТВ, необходимо первым делом разобраться со значениями соответствующих греческих и английских слов. В своем определении знания Платон в качестве родового понятия с упорным постоянством использует слово δόξα (мнение). В англоязычной эпистемологической традиции для обозначения соответствующего понятия раньше использовалось несколько разных слов, основными из которых были judgment (суждение), opinion (мнение), belief (вера) и assent (согласие). Когда Геттиер в своей статье указывает сторонников концепции ГТВ, он, помимо осторожного упоминания Платона, прямо ссылается на двух авторов: Чизолма и Айера. Чизолм в данном случае использует глагол «принимать» («S accepts P»), Айер – «быть уверенным в истинности» («S is sure that P is true»), а Геттиер без каких-либо пояснений выбирает глагол «верить» и приравнивает эти два высказывания к формуле «S believes that P» (Gettier

1963, 121). Большинство современных авторов, последовав примеру Геттиера, также предпочитают использовать именно слово *belief*, считая его равноценной заменой множеству традиционных терминов (Ichikawa, Steup 2017, п.4). Единообразие терминологии, в целом, заслуживает одобрения, но только в том случае, если унифицируемые термины являются синонимичными вариантами обозначения одного и того же понятия. Однако упомянутые слова не являются полноценными синонимами. Слово *belief* имеет два разных значения, первое из которых совпадает по смыслу со словами *judgment*, *opinion* и *acceptance*, а второе нет, и это не позволяет ему выступать в роли их адекватной замены.

Рассмотрим те два значения, которые есть у слова *belief* в данном эпистемологическом контексте. Под «данным эпистемологическим контекстом» я подразумеваю то, что речь идет о выражениях «S has a belief that P» или «S believes that P» (S верит, что P), где P – это некая пропозиция. В этот контекст не попадают предложения типа «S believes his friend» (S верит своему другу) или «S believes in God» (S верит в Бога), а также те случаи, когда словом *belief* обозначается содержание веры, т. е., сама пропозиция. Другими словами, нас интересует *belief* только как пропозициональная установка. Итак, один возможный смысл *belief* в фразе «S believes that P» – это такая пропозициональная установка, при которой субъект S приписывает пропозиции P истинностное значение. Но есть в английском языке и другой смысл, согласно которому *belief* – это такая пропозициональная установка, при которой субъект имеет большую или меньшую степень уверенности в том, что пропозиция истинна. Авторы статьи о JTB в Стэнфордской философской энциклопедии называют первое значение *belief* «полноценной верой», а второе – «верой в слабом смысле» (Ichikawa, Steup 2017, 1.2). Мне кажется, что такая терминология не совсем удачна, так как она может создать впечатление, что речь идет об одной и той же установке, и что «полноценная вера» – это разновидность «веры в слабом смысле», у которой степень уверенности достигает максимума. Но речь все-таки идет о двух разных пропозициональных установках. Лара Бучак предлагает более точные термины: она называет первое «on-off belief» (вера вкл/выкл), а второе «degree of belief» (степень веры) (Buchak 2014, 50). Итак, в первом значении речь идет о том, что человек либо признает пропозицию P истинной («вера вкл»), либо не признает («вера выкл»), и нам не важно, насколько сильно он в этом убежден и есть ли у него какие-то сомнения. Во втором значении внимание уделяется именно тому, какова степень уверенности человека. Очевидно, что первое значение термина *belief*, по сути, ничем не отличается от значения терминов *judgment* (суждение) и *opinion* (мнение). Однако

его второе значение как «степени уверенности» этим терминам не присуще. Если сравнить эти два значения с греческими словами, то в первом значении belief совпадает с $\delta\acute{o}\xi\alpha$, а во втором значении оно ближе к $\pi\acute{i}\sigma\tau\iota\varsigma$.

Вопрос о природе и происхождении второго значения слова belief следует оставить лингвистам, однако я осмелюсь высказать собственное предположение. В английском языке есть слово *faith*, которое обозначает либо то же самое, что и греческое слово $\pi\acute{i}\sigma\tau\iota\varsigma$ (доверие), либо нечто вроде религиозной веры в традиционном христианском понимании (вера в Бога) или в аналогичном, но секуляризированном смысле (например, вера в прогрессивное человечество), либо просто некое состояние сильной убежденной целеустремленности (как в выражении «главное, не теряй веру»). Во всех этих случаях слово *faith* обозначает такое ментальное состояние, которому свойственно иметь степень интенсивности. *Faith* не может быть просто «вкл» или «выкл», она бывает сильной или слабой, возрастает или угасает. Стоит также отметить, что, в отличие от $\pi\acute{i}\sigma\tau\iota\varsigma$, *faith* вполне может означать и пропозициональную веру, т. е., употребляться в словосочетаниях типа «*faith that P*» в значении некоторой степени доверия или преданности тому, что пропозиция *P* истинна. Примечательно то, что у слова *faith* нет собственной глагольной формы, и в этой роли в английском языке чаще всего употребляется глагол *believe*. Чтобы заявить о своей вере (*faith*) в пропозицию *P*, можно использовать нарочитую конструкцию «*I have faith that P*», а можно просто сказать «*I believe that P*». По-видимому, именно по этой причине и возникает языковая интуиция о том, что глагол *believe*, а вместе с ним и существительное *belief*, должны указывать не только на факт наличия некоего мнения («вера вкл/выкл»), но также и на присутствие некоторой степени уверенности в истинности этого мнения.

Традиционные английские эпистемологические термины *judgment* и *opinion*⁵ имеют только одно значение, которое совпадает со значением русского слова «мнение» и Платоновского $\delta\acute{o}\xi\alpha$. До 1963 года эти термины употреблялись наравне с термином *belief* в значении «вкл/выкл». Однако, как уже было сказано выше, после ошеломительного успеха статьи Геттиера, который предпочел использовать именно *belief*, подавляющее большинство авторов последовали за ним и перешли на единый термин. Именно это слово входит в название самой концепции: *Justified True Belief*, и именно благо-

---

⁵ Еще один традиционный термин, *assent*, имеет ту же двойную коннотацию, что и *belief*. Джон Локк в своем «Опыте о человеческом разумении» обсуждает степени, присущие согласию человека с пропозицией. Этому он посвящает целую главу «О степенях согласия» («*Of the Degrees of Assent*», кн. IV, гл. XVI).

даря такой подстановке в определение знания проникла альтернативная коннотация со степенью уверенности.

В современной эпистемологии стало принято считать степень уверенности неотъемлемой частью понимания того, что такое belief. Лара Бучак утверждает, что наши мнения (точнее, «веры») имеют разную степень [несомненности]. Она обосновывает это утверждение собственным наблюдением, что для разных пропозиций, в которые мы верим, сила веры неодинакова.⁶ Эрик Швицгебел, автор статьи «Belief» в Стэнфордской философской энциклопедии, специально пишет раздел под названием «Степень веры» (Degree of Belief), где заявляет, что «каждый субъект придерживается своих верований (beliefs) с некоторой конкретной степенью уверенности (degree of confidence)». В связи с этим он даже вводит параметр «степень веры» (degree of belief), значения которого варьируются от 0 до 1, где 0 – это полная уверенность в ложности пропозиции, 1 – полная уверенность в ее истинности, а 0,5 – признание истинности и ложности равновероятными (Schwitzgebel 2015, 2.4). Роберт Ауди идет еще дальше и предлагает ввести не один, а целых три варьирующихся параметра для веры: укорененность (entrenchment), значимость (centrality) и интенсивность (intensity), последний из которых по смыслу совпадает с той «степенью уверенности», о которой у нас идет речь (Audi 2008, 89).

Казалось бы, замена однозначных терминов на многозначные вовсе не обязана приводить к смене эпистемологической парадигмы. Ведь первое, изначальное значение никто не отменял, а новые дискуссии по поводу дополнительного параметра веры можно было бы расценивать как расширение и обогащение наших представлений о природе знания. Однако ситуация далеко не так проста. В JTB-концепции речь идет не просто о вере, а об оправданной вере (justified belief), и природа этого «оправдания» напрямую зависит от того, о каком значении веры идет речь. Если мы говорим просто о наличии веры (о вере в значении «вкл/выкл»), то оправдание – это ответ на вопрос «почему я в это верю?». Но если разговор заходит о степени уверенности, то оправдание будет связано с вопросом «почему я так сильно в это верю?». Поэтому неудивительно, что Геттиеровское нововведение коснулось не только понятия веры, но и представлений о нормах оправдания этой веры.

---

⁶ “...beliefs come in degrees. This idea can be motivated by noticing that among the propositions I believe, the strength of my belief is not uniform” (Buchak 2014, 49).

3. Эвиденциализм

Обсуждение процедуры оправдания веры невозможно без обращения к ключевому для англоязычной эпистемологии термину «evidence». К сожалению, этот термин не имеет адекватного аналога в русском языке, поэтому мне придется использовать его без перевода.⁷ В наше время слово evidence повсеместно употребляется в собирательном значении набора фактов или доводов, подтверждающих некое предположение. Однако этому собирательному значению, скорее всего, не больше двухсот лет. Английское слово evidence происходит от латинского *evidens*, которое означает «очевидный», «видимый». Его первоначальное употребление в эпистемологии связано с попыткой отделить знание от мнения через критерий очевидности: если мы что-то видим, то мы это знаем, а если не видим, то можем только верить.⁸ При этом понятие evidence включало в себя как непосредственное чувственное восприятие «очевидности» некоего положения дел, так и осознание «очевидности» истин при помощи разума. В Новое время понятие evidence практически единогласно понималось не как набор доводов, а как единое, базовое и непосредственное интеллектуальное схватывание «очевидной» действительности (Antognazza 2015, 168). В викторианскую эпоху слово evidence становится чрезвычайно популярным термином в науке и криминалистике. Научное исследование или детективное расследование сводятся к тому, чтобы собрать как можно больше различных сведений и улики и, опираясь на эти данные, выдвинуть наиболее правдоподобную гипотезу. Всякий мыслитель, подобно Шерлоку Холмсу, должен достигать знания посредством сбора наблюдений и последующего связывания их в единую согласованную картину. В этом контексте слово evidence обретает новое значение множества подтверждающих некое предположение доводов и фактов, а не единого акта усмотрения очевидной истины. Важным показателем нового понимания термина evidence становится его частое употребление в связке со словами *sufficient* или *enough* (достаточный). В качестве примера здесь можно привести знаменитый лозунг У. К. Клиффорда, который в 1877 году в своем эпохальном эссе «Этика веры» заявил: «Никто нигде и никогда не должен верить во что бы то ни было при недостаточном подтверждении (*insufficient evidence*)» (Clifford 1877, 295). Также вспоминается

---

⁷ Все известные мне варианты перевода: доводы, факты, данные, доказательства, свидетельства, улики и т. п., отражают лишь какой-то один из множества аспектов понятия evidence, поэтому я считаю их неприемлемыми.

⁸ Например, Фома Аквинский утверждает, что известное – это видимое, а веруемое – не видимое (*scitum est visum et creditum est non visum*, *ST II II 1,5,4*).

известная фраза Б. Рассела, который оправдывал свой отказ от веры в Бога тем, что ему не хватило доказательств («Not enough evidence!»). Если в философии Нового времени наличие «очевидности» (evidence) уже само по себе считалось достаточным критерием обладания истиной, то современным философам мало простого наличия evidence – им необходимо, чтобы его количественный показатель достигал некоторой достаточной величины.

На фоне этой новой трактовки понятия evidence в современной эпистемологии формулируется идея эвиденциализма. В самых общих чертах, эвиденциализм – это такая позиция, согласно которой при выборе мнения следует полагаться только на evidence. Зачастую эвиденциализм понимается как моральная ответственность субъекта подчинять свои верования имеющимся доказательствам (Clifford 1877, Wood 2008). Однако это долженствование может быть продиктовано не только моральными, но также практическими и эпистемическими соображениями (Chignell 2018, 5). В данном случае нас интересует только эпистемическая сторона вопроса, поэтому далее речь будет идти только об эпистемическом эвиденциализме. Согласно эпистемическому эвиденциализму, то, насколько субъект эпистемически оправдан (justified) в своей доксамптической установке по отношению к позиции, определяется исключительно имеющимися у него подтверждениями (evidence) (Conee, Feldman 2004, 1).

Несмотря на то, что концепция эвиденциализма была сформулирована совсем недавно, сама идея далеко не нова. Похожие мысли высказывались еще с древних времен и получили особую популярность в идеологии Просвещения. Основоположники английской эпистемологии – Джон Локк и Дэвид Юм – также настаивали на том, что человек обязан соотносить свои мнения с фактами.⁹ Принципиальное отличие современного эвиденциализма от его предшественников заключается в том, что в нем убедительность evidence рассматривается как количественный параметр. В более ранних версиях речь шла о том, что если мнение подтверждается, то его стоит принять, а если нет – то отвергнуть. Сегодняшние дискуссии, в основном, сосредоточены на вопросе о том, соответствует ли степень уверенности (degree of belief) степени убедительности evidence. Возможно, что распространение данной версии эвиденциализма отчасти связано с ростом популярности Байесовских, т. е., вероятностных подходов в эпистемологии (Dutant 2015, 125), где степень уверенности трактуется как субъективная

---

⁹ Локк и Юм могут быть причислены к эвиденциалистам с той поправкой, что у них понятие evidence относится лишь к области знания, а учет множества фактов и доводов относится не к знанию, а к подтверждению вероятных мнений, т. е., никак не пересекается с областью применения evidence.

оценка вероятности истинности пропозиции (Adler 2002, 40; Buchak 2014, 49). Джонатан Адлер приводит весьма показательное определение эвиденциалистского подхода: «вера, что p , должна иметь степень n тогда и только тогда, когда доказательства подкрепляют истинность p до степени n ».¹⁰

Как было показано выше, переход современной эпистемологии на использование Геттиеровского термина *belief* привел к тому, что обсуждение знания стало неотделимо от обсуждения степеней уверенности. Вследствие этого, дискуссии об обоснованности различных мнений также сместились в сторону дискуссий об оправданности субъективных степеней уверенности. Это обстоятельство имеет прямое отношение к тому, как следует понимать суть концепции *JTB*. В рамках до-Геттиеровской эпистемологии выражение «*justified belief*» еще могло бы иметь значение «обоснованного мнения», что вполне соответствовало бы Платоновскому «мнению с объяснением». Однако концепция *JTB* получила свое распространение уже после Геттиера, когда на смену «мнению» пришла «уверенность», а на смену «обоснованию» – эвиденциалистская идея оправдания степени этой уверенности через достаточную степень убедительности доказательств. И поскольку никакой до-Геттиеровской концепции *JTB* никогда не существовало, то никогда и не существовало определения знания как обоснованного истинного мнения. Единственная когда-либо существовавшая и поныне процветающая концепция *JTB* определяет знание как достаточно подкрепленную субъективную степень уверенности в истинности пропозиции.¹¹

Заключение

Итак, почему же Платона не следует причислять к сторонникам концепции *JTB*? Платон, определяя знание как «истинное мнение с объяснением», опирался на понятия $\delta\acute{o}\xi\alpha$ (мнение) и $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ (объяснение). Определение знания в *JTB* основано на понятии *justified belief*, что следует интерпретировать как «оправданная уверенность». Однако та «уверенность», на которой строится определение *JTB*, слишком сильно отличается по смыслу от понятия $\delta\acute{o}\xi\alpha$ и, скорее, отдаленно напоминает другое Платоновское понятие: $\pi\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$ (вера). Но Платон вовсе не считает знание разновидностью веры. Также и Плато-

¹⁰ “One ought to have a degree of belief n that p if and only if one’s reasons or evidence support the truth of p to degree n ” (Adler 2002, 40).

¹¹ Следует признать, что современная аналитическая эпистемология весьма разнообразна и включает в себя множество самых разных интерпретаций и подходов. Все представленные в данной статье рассуждения о концепции *JTB* и эвиденциализме относятся лишь к их наиболее распространенной и авторитетной современной интерпретации.

новский λόγος (объяснение) – это не множество доводов, повышающих вероятность истинности мнения, а неопровержимое рациональное рассуждение, которое также не имеет ничего общего с эвиденциалистской идеей подкрепления веры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вольф, М. Н. (2013) «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания,” *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14(3), 53–60.
- Фролов, К. Г. (2013) “О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера,” *Вопросы Философии* 11, 168–173.
- Adler, J. E. (2002) *Belief's Own Ethics*. Cambridge, MA.
- Antognazza, M. R. (2015) “The Benefit to Philosophy of the Study of its History,” *British Journal for the History of Philosophy* 23(1), 161–184.
- Audi, R. (2008) “Belief, Faith, and Acceptance,” E. T. Long, P. Horn, eds., *Ethics of Belief: Essays in Tribute to D. Z. Phillips*. Springer, 87–102.
- Buchak, L. (2014) “Rational Faith and Justified Belief,” T. O'Connor, L. F. Callahan, eds., *Religious Faith and Intellectual Virtue*. Oxford University Press, 49–73.
- Chappell, S. G. (2013) “Plato on Knowledge in the Theaetetus,” E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2013 Edition). <<https://plato.stanford.edu/archives/win2013/entries/plato-theaetetus/>>.
- Chignell, A. (2018) “The Ethics of Belief,” E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2018 Edition). <<https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/ethics-belief/>>.
- Clifford, W. K. (1877) “The Ethics of Belief,” *Contemporary Review* 29, 289–309.
- Conee, E., Feldman, R. (2004) *Evidentialism. Essays in Epistemology*. Oxford.
- Dutant, J. (2015) “The Legend of the Justified True Belief Analysis,” *Philosophical Perspectives* 29, *Epistemology*, 95–145.
- Fine, G. (1978) “Knowledge and Belief in Republic V,” *Archiv für Geschichte der Philosophie* 60(2), 121–139.
- Fine, G. J. (1979) “Knowledge and Logos in the Theaetetus,” *The Philosophical Review* 88(3), 366–397.
- Fine, G. (2004) “Knowledge and True Belief in the Meno,” D. Sedley, ed., *Oxford Studies in Ancient Philosophy. Volume XXVII*. Oxford, 41–82.
- Gettier, E. L. (1963) “Is Justified True Belief Knowledge?” *Analysis* 23(6), 121–123.
- Ichikawa, J. J., Steup, M. (2017) “The Analysis of Knowledge,” E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2017 Edition). <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/knowledge-analysis/>>.
- Kaplan, M. (1985) “It's Not What You Know that Counts,” *The Journal of Philosophy* 82 (7), 350–363.
- Le Morvan, P. (2017) “Knowledge Before Gettier,” *British Journal for the History of Philosophy* 25(6), 1216–1238.

- Lindsay, D. R. (1993) *Josephus and Faith: [Pistis] and [Pisteuein] as Faith Terminology in the Writings of Flavius Josephus and in the New Testament*. Leiden.
- Morgan, T. (2015) *Roman Faith and Christian Faith: Pistis and Fides in the Early Roman Empire and Early Churches*. Oxford.
- Parikh, R., Renero, A. (2017) "Justified True Belief: Plato, Gettier, and Turing," J. Floyd, A. Bokulich, eds., *Philosophical Explorations of the Legacy of Alan Turing*. Springer, 93–102.
- Schliesser, B. (2017) "Faith in Early Christianity. An Encyclopedic and Bibliographical Outline," J. Frey, B. Schliesser, N. Ueberschaer, eds., *Glaube: Das Verständnis des Glaubens im frühen Christentum und in seiner jüdischen und hellenistisch-römischen Umwelt*. Tübingen: Mohr Siebeck, 3–51.
- Schwitzgebel, E. (2015) "Belief," E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2015 Edition). <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/belief/>>.
- Wood, A. (2008) "The Duty to Believe According to the Evidence," E. T. Long, P. Horn, eds., *Ethics of Belief: Essays in Tribute to D. Z. Phillips*. Springer. 7–24.

CYRILLIC CHARACTERS REFERENCES TRANSLITERATED (FOR INDEXING PURPOSES ONLY): Volf, M. N. (2013) "'Menon" i paradoks poiska: interpretatsii metoda poznaniya", *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* 14(3), 53–60. Frolov, K. G. (2013) "O nyuansakh perevoda i tsitirovaniya v kontekste problemy Gettier", *Voprosy Filosofii* 11, 168–173.